

В разделе «Свойства предметов и действия с ними» наиболее масштабна рубрика «Деструктивные действия». Захолустье вариативно и экспрессивно подается как объект, который испытывает деформирующее воздействие извне, нарушающее его целостность (ср. обозначения изучаемой реалии, образованные на базе глаголов *бить, гнуть, колу-пять, толочь, резать, отшибать*). Широко представлены «отторгающие» действия, что позволяет трактовать захолустье как нечто «отброшенное», «кинутое», «загнанное», «затесненное», «упавшее». Пространственная маргинальность захолустья через призму предметных действий предстает как результат укрывания, прятанья (*затаиха, захованное место, заутулье*), а его низкий социальный статус провоцирует появление среди обозначений захолустья дериватов глаголов со значением ‘грязнить, пачкать’.

Что касается цветовой гаммы, то она, разумеется, выдержана в темных тонах (*серое место, тьма, темный угол*).

Образы животных в языковом портрете захолустья немногочисленны. Вполне естественно, что это дикие животные и птицы – волк, медведь и ворон; образ собаки обязан своим появлением исключительно связанной с ним экспрессии (*собачья дыра, собачья забегаловка*).

Наконец, образы сферы «Мифология» говорят о некоторой мифологизации захолустья, что объясняется восприятием захолустья как чужого, неосвоенного пространства (*адово дно, чертова дыра, глушь, чертовое место*). Впрочем, скорее здесь приходится говорить о негативной экспрессии, нежели о полноценном проявлении концептуальной семантики соответствующих слов.

Ю.А. Кривошапова,

Об одной мифологической семантической модели (‘животное’ → ‘болезнь’)

Анализируемые в статье лексические факты возникли в результате реализации номинативной модели *животное* → *болезнь* (например, *жаба* ‘болезнь, опухоль горла, языка, шейных желез у людей и животных’ [СРНГ 9, 49], *змеёвец* ‘панариций’ [КСГРС], *рак* ‘род злокачественной опухоли’ [Даль 3, 1586], *мышка* ‘опухоль, воспаление подчелюстных желез у лошадей’ [СРНГ 19, 71], *ящер* ‘шероховатое воспаление языка у скота и лошадей’ [Даль 4, 1588] и др.). В качестве материала используются данные русских народных говоров и литературного языка, а также факты других языков – как родственных, так и неродственных.

Модель 'животное' → 'болезнь' представляется архаичной, так как ментальным основанием для семантического перехода служат древнейшие представления о способности некоторых пресмыкающихся и насекомых проникать внутрь человека или животного и инициировать болезнь (ср., например, *дутик* 'паук-крестовик' (по поверью, если корова или овца съедят дутика, то ее дует, то есть у нее вздувается живот и кожа отстает от тела) [СРНГ 8, 274], *ворогуша* 'белая бабочка' (есть поверье у крестьян, что если кто такую бабочку съест с пищей, тот непременно получит лихорадку (ворогушу), детей предупреждают, чтобы не ели ее) [СРНГ 5, 108]).

«Жизненные силы» данной модели поддерживают не только древние поверья, но и реальные наблюдения за жизнедеятельностью соответствующих представителей фауны: так, некоторые черви (глисты) и насекомые (вши, блохи, клопы) действительно вступают в контакт с человеком или человеческим телом (трупные черви, муравьи). Некоторые наименования болезней основаны именно на этом признаке (ср. *глисты остались* 'об изжоге, тошноте, объяснение острого приступа тошноты, якобы от глистов' [СРНГ 6, 199]).

Кроме того, модель разрабатывается за счет возможности метафорической интерпретации симптомов болезни (так, *жаба* 'стенокардия' [КСГРС] метафорически воспринимается в связи с признаком затрудненного дыхания).

Номинативная модель 'животное' → 'болезнь' представляется достаточно узкой и реализуется в рамках номинативного поля, состоящего из лексики, сопрягающей представление о повадках животного и особенностях внутреннего (духовного и физического) мира человека. Внутри заданного номинативного поля можно выделить разные лексико-семантические группы.

В одну из групп могут быть включены наименования, реализующие «животную» модель, но обозначающие не заболевание, а некое свойство человека, клинически не обусловленное. Маркированными оказываются *физическое состояние*: рус. диал. *гусяк гудит* 'о чувстве голода' [СПП, 34], блр. *рой улавіць* 'стать беременной' [Коваль 37], болг. *в корема ми жаби куркат* («в брюхе у меня жабы куркают») 'о чувстве сильного голода' [РБЕ (Чолакова) 5, 7], кашуб. *žǫb sq obžarla* («жаб обожралась») 'о беременной вне брака', [Sychta 6, 261], *jakbë žabë jǫdǫl* («как будто жабу съел») 'о тощем человеке' [Sychta 6, 261]), *психическое* (наиболее близкое к клиническому): рус. жарг. *тараканы в голове* 'о человеке со странностями' [БСЖ, 581], укр. *муха в голові* 'ненормальный' [Гура 443], англ. *bug* («клоп») 'о состоянии сумасшествия' [БАРС 1, 196], нем. *motten im kopf haben* («иметь в голове моль» [НРС, 605]), англ. *to have a*

maggot in one's brain («иметь в мозгах личинку мясной мухи») 'быть с заскоками' [АРФС, 677], а также *особенности характера и темперамента*: рус. *много в тебе блох* 'о лживом или злом человеке' [Даль 1, 243], *словно муху проглотил* 'о странном, недовольном виде' [Даль 2, 947], рус. *скорпиона проглотить* 'молча, терпеливо снести притеснения, придирки' [ХМС, 401], блр. *проглынуць жабу* 'молча, терпеливо перенести обиду, оскорбление, выслушать неприятность' [ФСБМ 2, 205], англ. *to have butterflies in one's tummy* («иметь бабочек в животе») 'о человеке в состоянии нервного возбуждения' [БАРС 1, 203], нем. *ihm ist eine Laus über die Leber gelanfen* («у него через печенку вошь проползла») 'он не в духе' [НРС 544].

Внутри рассматриваемого блока обращают на себя внимание фразеологизмы, реализующие номинативную модель «вступить в контакт с животным» → «стать беременной, родить (вне брака)»: рус. диал. *мёня (тайменя) поймать* 'стать беременной, родить вне брака' [Коваль, 36], *объелась лягушек* 'о забеременевшей вне брака' [СМ, 252], блр. *рой улавиць* 'стать беременной (родить) вне брака' [Коваль, 37], *зьесці павука* 'стать беременной вне брака' [Коваль, 75]. Отметим, что продуцирующая и детородная символика прописывается только животным, отличающимся большой плодовитостью; ср. *гороху объесться* 'стать беременной (о незамужней женщине)' [Коваль, 36] – реализация мотива множественности = плодородности. Таким образом, в процессе номинации, помимо мифологического компонента и необходимости табуизации обозначения явления деторождения, важным оказывается и такое реальное свойство животного как плодовитость.

Другую группу составляют уже приведенные в качестве примеров собственно наименования болезней: *жаба* 'болезнь, опухоль горла, языка, шейных желез у людей и животных' [Даль 1, 1305] и др.

В числе компонентов номинативного поля можно выделить однословные образования, опирающиеся только на мифологическую идею «вторжения» злокозненного существа в тело человека (*живое* 'опухоль, нарыв'; 'болезнь, вызванная появлением во внутренних органах какого-то живого существа' [КСГРС], литер. *рак*). Животное в этом случае рассматривается как инициатор болезни, но «открывая» внутреннюю форму наименования, мы не «считываем» информацию о том, какие именно действия («неприятеля») спровоцировали заболевание.

В ряде составных наименований указывается на действие самого животного, как правило, метафорически отражающее реальный признак заболевания (рус. *лягуха ходит* 'тошнит, мутит', *жаба давит* 'об ангине' [КСГРС], нем. *Ameisen laufen* («муравьиная беготня») 'озноб' [НРС 44], ср. некоторые негативные вербальные формулы вроде рус. *жаба те*

сядь, желна́ тебя колоні́ ‘типун тебе на язык’ [КСГРС]). Появление предикативного компонента в составе фразеологизма представляется закономерной трансформацией более архаичных именных названий болезней (*жаба* → *жаба давит*). Выделенная семантическая модель, очевидно, изначально использовалась для наименования сложных внутренних заболеваний, природу которых «на глаз» определить было не возможно, следовательно, ответственность «перекаладывалась» на животных. Но и этого для объяснения происхождения заболевания оказалось недостаточно, и животным стали приписывать свойства, благодаря которым они могли бы спровоцировать болезнь.

В пределах выделенной модели закономерными представляется также и варьирование именных компонентов, в частности «мена» название *насекомого* → *демоним*, отмеченная В.И.Ковалем: чеш. *moucha mi sedla na nos / čert mi sadol na nos* ‘, пол. *mieć muchy w nosie / ma diabła w nosie* ‘стать недовольным, злым’ [Коваль 24]. Насекомые, а также близкие к ним пресмыкающиеся часто осмысляются как поганые, нечистые и, следовательно, не угодные Богу (ср. *еретик* ‘змея, лягушка’ [СРНГ 9, 22]).

Названия болезней, реализующие модель ‘животное’ → ‘болезнь’, можно классифицировать и с точки зрения особенностей контакта с человеком. В ряде случаев животное передает свои свойства объекту, вступая с ним во внешний контакт (рус. *заячья губа* ‘природное ненормальное развитие верхней губы у человека’ [Даль 1, 1674], *жабоплеви́на* ‘болезнь глаз, катаракта, глаукома’ [КСГРС]. Жаба также может провоцировать болезнь изнутри, ср. о.-слав. * *žaba* ‘болезнь, опухоль горла, языка, шейных желез у людей и животных’. Отметим, что здесь существенную поддержку оказывает образный компонент.

В ряде случаев взаимодействие человека с животным явно осуществляется изнутри: *змеёвец*, *змеёныш* ‘панариций’ [КСГРС], *мышьяк* ‘воспаление лимфоузлов у скота’ [КСГРС].

Приведенный языковой фон «животных» наименований позволяет в этом же ключе осуществлять семантическую реконструкцию некоторых «затемненных» названий болезней.

В вологодских говорах зафиксирована лексема *липка*, обозначающая внутреннее заболевание неясной симптоматики, поражающее домашних животных, чаще овец (как показывает иллюстративный материал, *липа* «от сырости бывает», «печень заболевает липой», «кашель внутри, чкают, а потом околеют») [КСГРС]. На первый взгляд кажется возможным соотношение с глаголом *липнуть* (имея в виду такое свойство болезни, как «заразность»), ср. *липкий*, *прилипчивый* ‘о болезни’, *липкая болезнь* ‘дифтерит’ [СРНГ 17, 55].

Однако более предпочтительной с точки зрения семантики выглядит другая версия, в рамках которой данное слово следует рассматривать как семантический дериват лексемы *липа* (*липка*) ‘бабочка’, функционирующей в системе говоров Русского Севера [КСГРС; СРГК 3, 126; СРНГ 17, 55]. Последнее слово является финно-угорским заимствованием (< приб.-фин., ср. карел. *liipukkaini*, ливв. *liipoi*, *liipkkaine*, люд. *liipoi*, *liipui*, *liipakko*, *liipakoine*, вепс. *lipikeine*, *lipkõ*, фин. *liippo*, *liipukka*, эст. *liblik* [SKES, 294; Фасмер 2, 499]). Комментируя отношения семантической производности, можно предположить, что здесь реализована модель ‘насекомое’ → ‘болезнь’. В пользу этой версии свидетельствует существование аналогичных исконно русских наименований: *метляк* ‘бабочка’ и *метляк* ‘болезнь в легких у овец’ [Даль 2, 919].

Отметим, что мотивировка этих наименований болезней в равной степени может быть связана как с представлением о способности бабочки проникать в тело животного и инициировать болезнь, так и с появлением в печени больного животного личинок паразитирующего насекомого. Ср. калуж. *бабочка* ‘болезнь печени у овец’: *У афцах большы бабачки у печини бывають. Зарезали мы рас афцу, а у ней печинь так ы шывилица, бабачки, гаварили. Ну, пряма бабачки*, приведенное А.Ф.Журавлевым в качестве примера реализации семантической модели *насекомое* → *болезнь*¹⁸.

Авторы ЭССЯ ставят под сомнение факт семантической деривации *метыль*¹ и *метыль*², считая, что значения развивались параллельно, на базе исходного значения глагола *метать(ся)* (ср. беспокойство скота как признак заболевания печеночным паразитом [ЭССЯ 18, 137]. Такой номинативный ход также представляется возможным, ср. тур. *kelebek* («бабочка») ‘болезнь вертячка у овец’ [ТРС, 530]. Предполагается, что при этом заболевании у животного нарушается ориентация в пространстве, и овца начинает кружиться на одном месте, подобно мотыльку возле источника света.

В заключение отметим, что рассматриваемая семантическая модель ‘животное’ → ‘внутренняя болезнь’ (и шире ‘животное’ → ‘аномальное состояние человека’), будучи достаточно «замкнутой» и архаичной, тем не менее, получает «дополнительный заряд» для активного функционирования на синхронном уровне. Ср. например, совр. жарг. *тараканы в голове* ‘о человеке со странностями’ [БСЖ, 581], прост. *мышь в голове* в том же значении.

¹⁸ См.: Журавлев А.Ф. [Рец.] Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 2000. // Русский язык в научном освещении. 2001. № 2. С. 250–256.